

К 40-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

У ВОЙНЫ НЕ ЖЕНСКОЕ ЛИЦО

Не зря говорят, что настоящий писатель всю жизнь пишет одну книгу. Так и работы известного белорусского режиссера-документалиста Виктора Дашука (а лент у него на сегодня насчитывается около пятидесяти) складываются в один большой фильм о родной земле, о ее героической истории, о памяти. А два больших документальных цикла — «Я из огненной деревни» и «У войны не женское лицо» — вывели его в ряды ведущих документалистов страны.

В беседе с нашим корреспондентом Л. Павлючиком заслуженный деятель искусств БССР Виктор ДАШУК рассказывает о своих работах, размышляет о традициях военной темы в кино.

— Виктор Никифорович, на Западе порой можно услышать высказывание о том, что в нашем искусстве, мол, чрезмерно много внимания уделяется военной теме. Сколько можно, вопрошают иные зарубежные журналисты, вспоминать дела минувших дней, ведь прошло уже сорок лет?

— Мне тоже приходилось слышать подобные рассуждения от западных корреспондентов в Лейпциге и Тампере, где мои работы недавно участвовали в международных кинофестивалях. Что на это сказать? Наверное, легко рассуждать подобным образом, сидя в уютной тишине конференц-зала. Но достаточно иному западному журналисту, писателю, кинорежиссеру оказаться в Хатыни, как тон их высказываний совершенно меняется...

Пепел Хатыни, пепел миллионов жертв стучит в сердце, и не писать о войне, не снимать фильмы о ней мы не имеем права.

Особенно это важно сегодня, когда по вине американской администрации обстановка в мире необычайно накалилась, когда в головах некоторых безумцев возникают идеи об «ограниченной» ядерной войне, о возможности нанесения «превентивного ядерного удара». Естественно, что мы вновь и вновь будем возвращаться к прошлому, желая напомнить, какой дорогой ценой обошлась человечеству победа над фашизмом.

— Нам кажется само собой разумеющимся, когда о войне рассказывают люди, прошагавшие фронтовыми дорогами. Но прошлое притягивает сегодня и поколение художников не воевавших. Вот и вы посвятили этой теме два больших документальных цикла...

— Я был ребенком, когда началась война. Но она и нас, малолеток, задела своим огненным дыханием, обожгла ощущением всенародной беды. Да, я не помню сражений, но разве забыть мне похоронку, пришедшую на отца, и горе матери, оставшейся вдовой? Разве забыть смерть старшего брата, подорвавшегося на mine? Разве забыть соседа-калеку, вернувшегося после войны домой, к крестьянскому труду, без рук?

Война еще долго отзывалась в нашем народе: Никог-

да не забуду, как в соседней деревне на братской могиле, за которой ухаживали пионеры, подорвался целый класс — война напомнила о себе бомбой пятнадцать лет спустя после Победы.

Без непреходящей личной боли, памяти мне было бы трудно подступиться к съемкам фильмов по книге А. Адамовича, Я. Брыля и В. Колесника «Я из огненной деревни». Это книга, вообразившая рассказы трехсот человек, восставших из огня, из могил — и не в переносном, а в самом прямом смысле. Каратели сжигали, убивали их вместе с семьями, односельчанами, но они чудом спаслись тогда из белорусских хатыней.

Замысел нашей кинематографической работы родился еще в то время, когда книга печаталась частями в газетах и журналах. Прочитав один из отрывков — рассказ Ольги Андреевны Минич, на глазах которой погибли муж, ребенок, которая сама несколько раз чудом спаслась от смерти и все-таки выжила, хотя, как она признавалась сама, жить уже не хотелось... я был огулен громадностью горя, сосредоточенной в одной человеческой судьбе. Все круги ада меркли рядом со страданиями этой простой белорусской женщины. К счастью, накопленный мною к тому времени опыт — и профессиональный, и человеческий — позволял взяться за эту тему, ибо, случись моя встреча с подобным жизненным материалом несколько годами раньше, я бы, думаю, с ним просто не совладал.

Четыре года работали мы вместе с писателями над фильмами. За эти годы были созданы ленты «Женщина из убитой деревни», «Горсть песка», «Немой крик», «Суд памяти», «Последнее слово», которые в итоге сложились в своеобразный цикл, о чем мы в начале работы не думали. Ибо каждый фильм казался последним — слишком обжигающим был жизненный материал, слишком глубокими оказались раны в людской памяти. Свою творческую задачу мы видели в том, чтобы сохранить для потомков невыносимую температуру человеческой боли, гнева, скорби, которые не поддаются врачеванию временем. Решиться на подобную меру ис-

кренности было нелегко и нам, и нашим героям. Но мы понимали, что о злодеяниях фашизма надо вспоминать вновь и вновь. Ведь убийцы, подобные карателю Белоруссии Дерливангеру или кровавому палачу Лиона Клаусу Барбе, сегодня еще ходят по земле...

Прошли годы, и вот я смотрю новый цикл Дашука «У войны не женское лицо». Камера высвечивает, приближает к нам удивительные лица женщин — добрые и сердечные, сосредоточенные и скорбные, и вновь возникает ощущение реальной трагедии. Их было 800 тысяч — молодых девушек, ушедших по велению сердца на фронт. Вернулись из них не все...

— Между двумя циклами существует определенная общность, — говорит Виктор Дашук. — Я вновь снимаю фильмы по документальной книге. На этот раз ее создала молодая писательница Светлана Алексиевич, которая по совету А. Адамовича — одного из авторов хатынского цикла — собрала и записала около 500 рассказов женщин, прошедших минувшую войну. Пять лет ушло у нее на этот чрезвычайно тяжкий труд, который можно назвать литературным и человеческим подвигом.

Мы выбрали из множества героических биографий всего несколько женских судеб, но даже одной из них хватило бы, чтобы вынести приговор войне. Вот как сложилась, к примеру, судьба Валентины Чудаевой. В семнадцать лет она ушла на фронт, протягивала связь на поле боя, пока однажды не пришло извещение о гибели отца. Валентина ушла на курсы зенитчиц, ведь, как она сама говорит в фильме, телефонная трубка не стреляет... А ей хотелось стрелять, мстить фашистам. Потом вновь пошла фронтовые будни: артобстрелы, бомбежки... Контузия, обмороженные ноги, ранение в позвоночник. Ей грозила ампутация обеих ног. Врачи спасли ей ноги и жизнь. Сегодня у Валентины Чудаевой подрастают внуки. Во имя их будущего она вспоминает прошлое, во имя этого мы снимаем свои фильмы.

В творческом освоении темы, в новом произведении всегда возникает новый поворот, новый угол зрения, новая судьба. На первый взгляд между моими циклами можно поставить знак равенства. Но при сохранении внутреннего единства думаю все же, что они разные. Между ними пролегли годы, и даже в чисто профессиональном плане я изменился. Конечно, время внесло свои коррективы и в накопленные знания о войне, и в подход к ее изображению на экране, в литературе. Это были годы, когда на смену

беллетризованному подходу к прошлому пришла мощная струя документализма. Более высокой стала мера документальности и в самом документальном кино.

Думаю, что этот новый уровень разговора о прошлом сказан и на нашем цикле. Мы пытались по-новому взглянуть на судьбы героинь, выразить истинный драматизм их бытия на войне.

Мне кажется, что именно сейчас, когда ветеранов-фронтовиков остается все меньше, когда каждое их свидетельство становится поистине неоценимым, в нашем обществе возникло своеобразное магнитное поле памяти, происходит как бы аккумуляция наших знаний и представлений о войне во всей ее сложности и наготе. Ведь мы, документалисты, очень мало оставили свидетельств о людях, которых уже не вернешь, о событиях, которые не реконструируешь. Нам надо торопиться, снимать и снимать фильмы с участием тех уже немногих людей, которые воевали, которые знали войну в лицо. Считаю, что это одна из самых главных задач кинодокументалистики на современном этапе. Хотя, признаюсь, снимать фильмы такого рода нелегко. Время разрушает истинное представление человека о пережитом им прошлом, сглаживает, притупляет чувство боли. Разбудить, разбедить душу человека и благодаря этому вернуть реальную картину войны с ее неповторимым сплавом героики, трудностей, потерь, боли, крови, подвига — в этом мы видели свою задачу, когда работали над циклом «У войны не женское лицо».

— Мне кажется, ваш новый цикл обладает еще одним качеством — современностью звучания. Это достигается и размышлениями фронтовиков о нынешнем поколении молодежи, и проекцией прошлого на сегодняшнюю ситуацию в мире, и современным подходом к личности героев фильмов.

— В хатынском цикле мы, главным образом, хотели реконструировать прошлое, провести зрителей теми же огненными дорогами, которые прошли герои, осознать меру перенесенных ими страданий, назвать имена военных преступников. В новой работе нас в первую очередь интересовал нравственный смысл подвига, обращенный в нынешний день.

Войну выигрывают не танки и самолеты, а люди. Когда Гитлер вероломно напал на нас, он имел многократное преимущество в технике. Но он не учел, что на нашей стороне было такое могучее оружие, как любовь к Родине, чувство долга. И сегодня, глядя на лица женщин,

сменивших более сорока лет назад школьные платья на солдатские шинели, мы отчетливо понимали, что наши люди победили не потому, что были невосприимчивы к боли, страданиям, не потому, что они были ослеплены фанатизмом (так злобно на Западе объясняют иногда истоки нашей Победы), а потому, что были людьми высоких нравственных достоинств. И этому нам можно и нужно учиться у них и сегодня. Поэтому, я надеюсь, фильмы будут интересны и нужны не только фронтовикам, но и нынешним двадцатилетним.

Три года непрерывной работы понадобилось нам для того, чтобы снять цикл, и каждый новый фильм, каждая новая человеческая судьба вносили какие-то новые акценты, повороты в тему, углубляли и расширяли наше представление о подвиге. Ведь тема войны поистине неисчерпаема. Что же касается конкретно нашего цикла, то, закончив буквально на днях седьмой фильм, я понял, что во всяком деле нужно уметь вовремя поставить точку...

— Но в разговоре нашем точку ставить еще рано. Поскольку я знаю, что вместе с А. Адамовичем вы написали сценарий двухсерийного художественного фильма и предполагаете сами выступить в роли режиссера.

— Действительно, шаг этот рискованный и, скажу честно, для меня нелегкий. Но необходимый. Тому есть несколько причин. Первая из них заключается в том, что документальное кино часто не имеет проката. Ощущение, что создаешь фильмы только для себя и худсоветов студии, — это ощущение меня в последние годы буквально угнетает. Человек должен высказываться, чтобы быть услышанным. Увы, документальные фильмы плохо и неумело показывают. Когда их демонстрируют перед игровыми лентами в качестве необязательного дописка, то это оборачивается неуважением к самостоятельному, серьезному искусству, которое в высших своих образцах — вспомним работы Р. Кармена, М. Ромма, Д. Фирсовой — способно на многое.

Ну, а кроме того, постановка художественного фильма будет для меня, надеюсь, не шагом в сторону, а продолжением того разговора, который я вел с экраном предыдущие двадцать лет. Сценарий написан по мотивам романов Кузмы Чорного «Млечный путь» и «Поиски будущего». В центре сценария — образ Матери, который как бы сливается с образом Земли, дарующей человечеству жизнь. Поистине — «У войны не женское лицо»...